

Е. Ю. Муратова (Витебск)

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СОЦИУМ

Поэзия всегда существует внутри определенной культуры, общества, традиции, поэтому разная интерпретация текста и возникновение соответствующих смыслов может определяться этническими и лингвокультурными лакунами. В этнической идентификации важны исторические, культурные, экономические, природные и другие факторы. Миросозерцание этнического сообщества вырабатывается из общего культурного багажа – мифов, легенд, символов, святынь, эталонов, стереотипов. «Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин... Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» [1, с. 107].

Текст, созданный автором в некоторой культуре и ориентированный на ее носителя, является в известном смысле моделью данной культуры; он воспроизводит речевые и эмотивные характеристики, типы поведения, восприятие жизни, характерные для носителей данной лингвокультурной общности.

Особую роль в поэтическом тексте играют дискурсивные элементы, совершенно неизвестные иным социумам. Например, у Б. Ахмадулиной: *Верней, лучинушки-лучины / не добыла, в сарай вошед... / Немногого не доставало, / чтоб стала жизнь моя красна, веретено мое сновало, / свисала до полу коса. / А там, в рубаше кумачовой, а там, у белого куста... / Ни-ни! Брусникою моченой / прилежно заняты уста.* Разность интерпретации художественного текста при межнациональном текстовом общении связана в первую очередь с несовпадением комплекса знаний носителей разных общностей (разность кругозора в области национальной и мировой культуры, сведения о прошлом своего народа и т. п.). Это касается разных сторон жизни нации, отраженных в тексте. Например, из строк М. Цветаевой *С шестерней, как с бабой сладившие – / Это мы – белоподкладочники? / С Моховой князья да с Бронной-то – / Мы-то – золотопогонники?* инокультурному читателю будет явно непонятно авторское возмущение, поскольку названия улиц в тексте стихотворения и имплицитно несут важную со-

циальную, реальную и, как следствие, эмоциональную информацию: на Моховой улице находился в Москве университет, а на близких к нему Бронных селились бедные студенты. Вследствие этого знания совершенно иной смысл получает фраза-негодование поэта: *Мы-то золотопогонники?* С другой стороны, многое, о чем упоминает Цветаева в своих стихах эмигрантского периода, ясно и понятно французам, но непонятно русскому человеку. Например: *И сейчас уже Шаратоны / Не вменяют российских тоск. / Мрем от них. Под шинелью драгой – / Мрем, наган, наставляя в бред...*, где Шаратон – больница для душевнобольных вблизи Парижа. Незнание этой информации «стирает» глубинный подтекст выражения *Шаратоны / Не вменяют российских тоск* и, по сути дела, для такого читателя теряется основное трансцендентное содержание стихотворения.

Таким образом, текст, созданный автором в некоторой культуре, воспроизводит речевые и эмотивные характеристики, типы поведения, восприятие жизни, характерные для носителей данной лингвокультурной общности, т. е. в нем проявляется координация систем: *текст – социум*.

Кроме того, любое стихотворение – это, прежде всего, выражение особенностей мироощущения и миропонимания автора. Поэтическое произведение наиболее полно отражает слияние собственно текста, с одной стороны, и авторских интенций, биографических элементов, мировоззренческих установок автора – с другой. В художественном дискурсе речь идет «не просто о носителе языка, – а, прежде всего и важнее всего – носителе определенной концептуальной системы, на основе которой он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [2, с. 259–260]. Как писал К. Юнг «...творец в высочайшей степени объективен, существует, сверхличен, пожалуй, даже бесчеловечен или сверхчеловечен, ибо в своем качестве художника он есть свой труд, а не человек... В качестве индивида он может иметь прихоти, желания, личные цели, но в качестве художника он есть в высшем смысле этого слова "Человек", коллективный человек, носитель и ваятель бессознательно действующей души человечества» [3, с. 116–117].

Особенно ярко поэт проявляется как «коллективный человек» в тех случаях, когда в поэтических текстах органично сочетается дискурсивность и интертекстуальность, т. е. через известные художественные образы, отрывки текстов и под. поэт рисует современную

ему действительность. Например, у Е. Евтушенко: 1. *И когда вновь нас ловят в ячейки / от кровушки красных сетей, / и хотят оправдать миллионы смертей, / то вздымаются / сказочкам всем вопреки / в мерзлоте замурованные большевики / и нам шепчут, / чтоб мы не вернулись в гулаговский ад: / «Коммунисты, назад... / Коммунисты, назад...»*. 2. *Весь мир насилья мы разрыли / до основания, / а затем / насилье перешло в бессилье, / в мычанье наше: «МММ!» / Бессилье вылилось в насилье... / Кто был ничем, / не станет всем*. 3. *Неужели не выжили мы / лишь под собственным игом, / сами, став для себя / хуже, чем чужеземной ордой? / Неужели нам жить суждено / то в манюловском, молью побитом / халате, / то в тулупчике заячьем Пугача? / Неужели припадочность – / это и есть наш характер, / то припадки гордыни, / то самооплева – / и все сгоряча?*

Все вышесказанное доказывает, на наш взгляд, что «материальный мир, существующий объективно, пропускается через мир творящего сознания, субъективного по своей внутренней духовности» [4, с. 29], и в конечном итоге эти миры реализуются в художественном тексте – феномене кристаллизации личности творца и времени его творения.

Таким образом, поэтическое произведение отражает слияние собственно текста, с одной стороны, и авторских интенций – с другой, т. е. в нем проявляется координация двух систем: *текст – личность*, в результате чего появляются новые смыслы, отражающие экстралингвистические феномены.

В итоге можно сказать, что дискурсивный анализ уделяет серьезное внимание не только связанному завершенному поэтическому тексту и принципам его устройства, но и механизмам, устанавливающим связь между языковой сферой и внеязыковой действительностью.

1. Бердяев, Н. А. Национальность и человечество / Н. А. Бердяев // Судьба России. Кризис искусства / Н. А. Бердяев. – М., 2004. – С. 101–109.

2. Павленис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павленис. – М., 1983.

3. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М., 1991.

4. Волков, О. В. Художественный текст и символика авторских проекций (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») / О. В. Волков // Структура и семантика художественного текста: докл. VII Междунар. конф. / Моск. гос. открытый пед. ун-т. – М., 1999. – С. 29–41.